

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-4

Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО

доктор политических наук, заместитель директора
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: efdv2015@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6988-472X

ЦИТИРОВАНИЕ: Ефременко Д.В. (2021) Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 74–97.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-4

Статья поступила в редакцию 10.10.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00662 «Формирование национально-государственной идентичности и выбор геополитической ориентации в странах, возникших после распада Югославии: сравнительное исследование») в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

АННОТАЦИЯ. *Сецессии Словении и Хорватии – два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса – положили конец существованию социалистической федеративной Югославии. В статье рассматривается взаимосвязь трансформаций идентичности словенцев и хорватов во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. и дезинтеграции СФРЮ. Анализируются историко-культурные предпосылки, влияние социально-политических условий и целенаправленных усилий ключевых акторов по трансформации идентичностей, приданию им новых качеств.*

Показано, что состояние и основной вектор изменения идентичности словенцев и хорватов во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. благоприятствовали сецессиям, но их не пред-

определяли. Очень сильным было влияние внешних факторов, к которым, во-первых, следует отнести изменения в политическом ландшафте Сербии и их эхо в структурах власти на федеральном уровне, во-вторых, приближение коллапса политического режима в СССР и других странах Восточной Европы, а также завершение холодной войны.

Особое значение для трансформаций в сфере идентичности имели действия политических лидеров. Благодаря их усилиям нацеленность на отделение от Югославии вышла на первый план по силе воздействия на состояние идентичности словенцев и хорватов. Но в Хорватии, с приходом к власти Ф. Туджмана и Хорватского демократического содружества, эта активность достигла

качественно нового уровня – практически вся система органов власти начала функционировать в режиме «национализирующего государства» (в терминологии Р. Брубейкера).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *идентичность, этнонационализм, сецессия, политическая агентность, распад СФРЮ, Словения, Хорватия, Сербия*

На протяжении трех последних десятилетий Европа стала той частью света, где возникло наибольшее количество новых независимых государств. Как известно, основной причиной столь значительных изменений на политической карте континента стал распад трех федеративных многонациональных государственных образований: Советского Союза, Чехословакии и Югославии, – обусловленный коллапсом правивших там коммунистических режимов. Споры о причинах и последствиях этого тектонического сдвига в мировой политике не утихают до сих пор. В самом упрощенном виде дискуссии можно свести к выявлению того, что имело решающее значение для осуществления катастрофического сценария: глобальное военно-политическое и идеологическое соперничество, внутренняя несостоятельность коммунистических режимов или мощный подъем национализма, с которым не смогли справиться мультиэтнические государственные образования. Хотя, несомненно, речь идет о трех взаимосвязанных процессах, в каждом случае влияющие глобальных и локальных факторов не одинаково. В максимальной степени внимание к местным условиям и специфике процессов образования и распада государств требуется в случае, когда в центре анализа находятся проблемы наций и этничности.

Бывшая Югославия во многих отношениях представляет собой особый

аналитический кейс. На пространстве бывшей Югославии и Балканского полуострова в целом на протяжении истории был представлен широкий диапазон вариантов и способов территориального передела, сецессий, образования и демонтажа империй и крупных государств, создания, реформирования и ликвидации малых государств. При всей калейдоскопичности этих метаморфоз ничто не проходило бесследно, оставляя будущим поколениям своеобразное институциональное наследие, чересполосицу локализации различных этнических и конфессиональных групп, амальгаму культурных традиций, множественность оснований сецессий и демаркации межгосударственных и административных границ [Hobsbawm 1997].

Полный драматизма опыт Западных Балкан дает обильный материал для анализа в различных ракурсах феномена сецессий и консолидации новых политий. В научной литературе наибольшее внимание традиционно уделяется политико-правовым, историческим и геополитическим аспектам сецессий, анализу политических стратегий различных акторов, вовлеченных в эти процессы. Однако не меньший интерес представляет проблематика идентичности и трансформации институтов, причем как в плане понимания причин и условий сецессий, так и в плане осмысления их последствий.

Идентичность как представление индивида или группы о себе, о принадлежности к более широким общностям, в т. ч. к этносу или нации, отличается достаточной устойчивостью, но при этом и подвижностью, структурной сложностью и неоднородностью. Идентичность невозможно рассматривать вне исторического контекста. Изменение социально-политических условий и целенаправленные усилия ключевых акторов трансформиру-

ют идентичность, придают ей новые качества, а также активируют либо деактивируют те или иные ее аспекты, сформировавшиеся на более ранних исторических этапах. Так, безусловно, происходило во время кризиса социалистической Югославии, сецессий отдельных республик СФРЮ, вооруженных конфликтов 1990-х гг. и консолидации новых государств с представителями всех этнических групп. Но наряду с общими чертами в каждом случае проявлялись и важные особенности.

Исторический и социокультурный контекст

Для понимания особенностей взаимного влияния сецессий и трансформаций макрополитической идентичности необходимо учитывать многослойное социокультурное и институциональное наследие, относящееся не только к эпохе существования в составе СФРЮ, а до того – Королевства Югославия, но также и к эпохе нахождения этих территорий в составе Османской империи и империи Габсбургов. По линии соприкосновения этих империй до сих пор проходит некое подобие незримого рубежа: Словения и Хорватия в основном могут считаться странами с преобладающим влиянием социокультурного и институционального наследия эпохи Габсбургов, тогда как для других стран Западных Балкан важнейшее значение имеет наследие Османской империи. По этим же границам проходит и конфессиональное разделение: в Словении и Хорватии доминирует католицизм, в других республиках бывшей Югославии (и в целом Балканского полуострова) – православие и/или ислам.

Разумеется, здесь должны быть сделаны определенные оговорки. В частности, надо учесть, что для сербов Сла-

вонии, Воеводины, а также других регионов левобережья Дуная и Савы значимо не только османское, но в большей степени и австро-венгерское наследие. Точнее, речь идет о специфическом историческом опыте переселения, проживания и службы сербов на неспокойном фронтире двух империй – в регионе Военной Границы, или Военной Краины. Для хорватского, словенского, сербско-черногорского населения Истрии и Далмации важное значение также имело влияние Венеции, Италии под властью Наполеона и – после Первой мировой войны – Итальянского королевства (для Истрии). Босния и Герцеговина в 1878–1918 гг. контролировалась Австро-Венгрией, но этот исторический период недостаточно продолжителен, чтобы считать его доминантным в плане социокультурного и институционального наследия. Для сравнения: оттоманское владычество в Боснии и Герцеговине продолжалось 396 лет, в Сербии – 440, Македонии – 542 года [Brown 1996, p. xiii].

В целом, однако, наследие двух империй для постъюгославского пространства имеет субстантивное значение. Без его учета невозможно адекватно оценить процессы формирования макрополитической идентичности в новых государствах и их институциональную динамику (в особенности роль неформальных институтов) [Acemoglu et al. 2002; Dimitrova-Grajzl 2007]. Следует принимать во внимание как общие характеристики имперского господства, так и специфические особенности, отличавшие Османскую империю от империи Габсбургов. К первым относятся значительные демографические трансформации, а также рост культурного и религиозного разнообразия на контролируемых империями территориях, серьезные изменения в социальной стратификации, новое начертание внешних и внутренних адми-

нистративных границ, многие из которых впоследствии стали границами государств-правопреемников и т. д. В числе особенностей, обеспечивавших значительные отличия подконтрольных Блистательной Порте территорий Западных Балкан, необходимо назвать исламский прозелитизм и – шире – распространение мусульманских культурных традиций, отсутствие расового разделения, представительных институтов и современной (в веберовском смысле) бюрократии, отказ от сохранения прежнего имперского языка государствами-преемниками, дефицит стимулов для успешного экономического развития, недостаточные условия для обеспечения внутривнутриполитической стабильности и т. д. [Abernethy 2000].

На первых порах эти отличия не имели критического значения. В XIX в. борьба за эмансипацию южных славян, проживавших на территориях, разделенных между империями османов и Габсбургов, по историческим меркам почти синхронно породила как идеологию югославизма, так и базовые идеи, на основе которых сформировались словенский, хорватский и сербский национализмы. Изначально югославизм и национализм во многом переплетались, подпитывали друг друга.

В 1860-х гг. А. Старчевич и его последователи приступили к формированию хорватского этнонационалистического нарратива, жестко противопоставляющего сербов и хорватов, ориентированного на создание Великой Хорватии (включающей также территории современных Словении, Боснии и отдельные части Сербии). Придерживаясь либерально-демократических принципов как основы идеального общественно-политического устройства,

Старчевич делал многочисленные исключения из этой политической программы по расовым и этнорелигиозным признакам, выступая с антисемитскими заявлениями и сербофобскими установками [Gross 2000]. Следует отметить, однако, что вплоть до распада Австро-Венгрии эта часть идейного наследия Старчевича не была доминирующей в хорватском политико-идеологическом мейнстриме. Ключевой проблемой для хорватских элит были отношения с Венной и Будапештом, а наиболее желательной политической опцией – Ausgleich¹ для южных славян в империи Габсбургов, ее преобразование в триединую монархию.

Военная развязка в августе 1914 г. кризисной геополитической динамики на Балканах и приближение победы Антанты побуждали хорватов и словенцев рассматривать варианты самоопределения, альтернативные триализму в составе империи Габсбургов (приверженцем последнего был и убитый в Сараево наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд). В ходе Первой мировой войны югославизм как концепция государственного объединения сербов, хорватов и словенцев (с присоединением к новому государству Черногории) стал основой программы послевоенного переустройства Балкан. В воюющей Сербии на официальном уровне эта концепция была изложена в Нишской декларации 7 декабря 1914 г. и вновь подтверждена в декларации Корфу 20 июля 1917 г., которую вместе с главой правительства Сербии Н. Пашичем подписал А. Трумбич – лидер базировавшегося в Лондоне югославянского комитета, объединявшего видных представителей хорватов, словенцев и

1 Ausgleich – уравнивание в правах, компромисс по образцу соглашения 1867 г., преобразовавшего империю Габсбургов в двуединую австро-венгерскую монархию.

сербов, ориентированных на отделение от Австро-Венгрии. Для Трумбича и значительной части Лондонского комитета провозглашение курса на создание федеративного государства южных славян – Королевства сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей – было связано с решением задачи объединения хорватских и словенских земель в пределах одного государственного образования, а также с осознанием нереалистичности достижения этой цели в случае выдвигания требований самостоятельности государственности Хорватии и Словении. Готовность сербской стороны к такого рода компромиссу с хорватами и словенцами была обусловлена дефицитом политической поддержки, обусловленным крушением монархического режима в России.

Фактическое развитие событий после создания Королевства сербов, хорватов и словенцев (1 декабря 1918 г.) и его преобразования в Королевство Югославия (6 января 1929 г.) характеризовалось ростом напряженности между политическими силами, представлявшими различные этнические группы. Хорваты и словенцы получили в новом государстве больше возможностей для своего этнокультурного развития, но распространение на Югославию действия институтов, уже функционировавших в Сербии, могло рассматриваться в ряде аспектов как шаг назад по сравнению с институциональным ландшафтом Австро-Венгрии. С самого начала существования объединенного государства разворачивался конфликт, связанный с сопротивлением политико-правовой унификации и фактическому закреплению сербского доминирования. Противостояние на уровне политических и культурных элит быстро усугублялось, охватывало более широкие слои населения, способствуя формированию негативного

образа представителей другого этноса и/или вероисповедования.

Установленная королем Александром диктатура (1929), террор хорватских боевиков-ушастей и усиливающееся вовлечение в решение политических задач парамилитарных формирований сербских четников способствовали дальнейшему росту напряженности и выхолащиванию идеи югославизма под эгидой королевской власти. Сербско-хорватский компромисс (соглашение Д. Цветковича – В. Мачека / Sporazum Cvetković–Maček) 26 августа 1939 г. мог привести к качественному изменению ситуации в Югославии, но для этого ему не хватило исторического времени. Уже весной 1941 г. он был разрушен вторжением в Югославию стран Оси. За неполных два года выявились и негативные стороны территориального расширения и предоставления Хорватии широкой автономии, в т. ч. неопределенное положение почти миллионного сербского меньшинства во вновь созданной бановине, недовольство боснийских мусульман, которым компромисс фактически отказал в признании этнополитической субъектности, стремление словенцев получить объем прав и полномочий, не уступающий объему прав и полномочий хорватов.

Период существования межвоенной Югославии был ознаменован значимыми трансформациями идентичности основных этнических групп. Для хорватов и словенцев роль значимого другого стали играть сербы, для сербов – хорваты. Это неудивительно, поскольку на настоящее и будущее одной из групп начинала критически воздействовать другая группа. Как подчеркивал Э. Хобсбаум, «массовое хорватское самосознание развилось лишь после возникновения Югославии, и направлено оно было как раз против нового королевства, точнее, против (реально-

го или мнимого) господства в нем сербов» [Хобсбаум 1998, с. 215]. Фактическое развитие событий в большей степени способствовало росту взаимного недоверия и отчуждения. Для словенцев, не охваченных столь радикальным подъемом этнонационализма, как у хорватов, ситуация осложнялась еще и спорными итогами плебисцита 1920 г. в Каринтии, означавшими неудачу словенского ирредентизма.

Трагические события периода Второй мировой войны лишь отчасти могут быть объяснены нарастанием враждебности между сербами и хорватами в межвоенный период. Внешнее вторжение, создание марионеточного Независимого государства Хорватия при одновременном уничтожении государственности сербов и других этносов Югославии, фашистская идеология и террористическая практика усташей, вовлечение в процесс создания этнически и религиозно чистого государства многих представителей хорватского общества и католической церкви, ожесточенное сопротивление четников до предела обострили антагонизм сербов и хорватов. Специфический контроль режима А. Павелича со стороны нацистской Германии порождал ситуацию, при которой кровавые чистки сербов были инициативой самого режима в Загребе, а уничтожение евреев и цыган – «кость, брошенная немцам, чтобы они не лезли напрямую в хорватские государственные дела» [Манн 2016, с. 526].

Выход на арену вооруженного противостояния третьей силы – коммунистических партизан во главе с И. Броз Тито – резко изменил не только ход боевых действий, но и варианты трансформации идентичности основных этнических групп в регионе Западных Балкан. Партизанское движение во главе с Тито создавало альтернативу межэтнической вражде, позволя-

ло представителям разных национальностей бороться за освобождение от оккупантов и воссоздание Югославии как федерации, обеспечивающей полное равноправие народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Победа Тито означала, что под югославизм подводится мощный базис коммунистической идеологии. Главный титовский лозунг «Братство и единство» – западнобалканская версия риторики пролетарского интернационализма – означал признание особенностей различных этнических групп, но одновременно акцентировал их сплочение в борьбе с фашизмом, а затем – в деле строительства социализма и укрепления югославской федерации.

В рамках вновь формируемого югославского идеократического метанарратива [Ефременко, Мелешкина 2020] возглавляемая коммунистами партизанская борьба с оккупантами и коллаборационистами (реальными и мнимыми) обрела статус мифа одновременного освобождения и основания новой Югославии, а сам Тито предстал в сакральном образе революционного, политического и военного вождя, сопоставимом с ролями Ленина и Сталина в советском метанарративе. Неудивительно, что с момента обретения коммунистами всей полноты власти осенью 1945 г. политика памяти стала одним из важнейших приоритетов Тито и его соратников. Эта политика, в частности, была призвана на уровне массового исторического сознания закрепить за коммунистами монополию на руководство антифашистским Сопротивлением и дискредитировать другие антифашистские силы. При этом увеличивалось количество табуированных тем, в числе которых особенно болезненными были зверства режима А. Павелича и хорватская государственность во время Второй мировой войны.

Замалчивание преступлений усташистского режима было крайне сомнительной хорватской привилегией под властью коммунистов. По всей видимости, в этом заключалась часть специфического социального контракта для Хорватии, предполагающего принятие новой политической реальности путем забвения недавнего прошлого. Другая часть этого контракта, очевидно, была связана со смешанной хорвато-словенской этнической принадлежностью вождя социалистической Югославии, что в глазах многих хорватов могло служить подобием компенсации за утрату «независимого» государства, глубоко дискредитированного союзом с Гитлером и Муссолини, депортациями и массовым истреблением евреев, сербов и цыган.

В первые послевоенные годы усиление централизованного контроля шло рука об руку с процессом формирования наднациональной социалистической идентичности, причем последняя, в отличие от межвоенного периода, была призвана объединить не только южных славян, но и представителей неславянских этносов, проживающих на Балканах. Жесткое подавление режимом Тито проявлений национализма в конце 1940 – начале 1950-х гг. в конечном счете было обусловлено стремлением предотвратить акции возмездия за геноцид, подобные массовому расстрелу пленных усташей в австрийском Блайбурге в мае 1945 г. Повторение таких акций почти неизбежно взорвало бы хрупкое единство новой Югославии.

Провозглашение в начале 1950-х гг. принципов самоуправления и децентрализации, а также существенное расширение полномочий республик в составе Югославии имели противоречивые последствия. Словения и Хорватия как наиболее экономически развитые республики Югославии получили наи-

больший эффект от этой реформы, позволившей ускорить социально-экономическое развитие и расширить объем полномочий республиканских органов власти. Вместе с тем данная реформа привела к усилению трений между союзными республиками, нарастанию экономических диспропорций между ними и осложнению их отношений с центральным правительством в Белграде.

Важнейшим аспектом формирования новой югославской идентичности был подход в отношении национальных языков. Особое значение в этом контексте имела резолюция совещания лингвистов и писателей, принятая в г. Нови-Сад в декабре 1954 г. Они заявили о единстве сербохорватского языка и призвали подготовить к публикации словарь и единый свод правил правописания. Фактически это была кульминационная точка сближения сербов и хорватов под эгидой коммунистической власти, вслед за чем возобновилась дивергенция. Ей благоприятствовало резкое нарушение баланса сил в федеральном руководстве, связанное со смещением в 1966 г. с руководящих постов А. Ранковича – второй по влиянию политической фигуры в Югославии, этнического серба, поддерживавшего унитаристские тенденции.

Прологом к первому крупному кризису югославской федерации, в частности, событиям Хорватской весны стала «Декларация о статусе и названии хорватского стандартного языка», подписанная в 1967 г. видными хорватскими писателями и лингвистами. В ней заявлялось о нарушении баланса между сербскими и хорватскими языковыми нормами; прямым следствием широкого обсуждения тезисов Декларации стал отказ Матицы хорватской от завершения совместного с Матицей сербской проекта выпуска Словаря сербохорватского языка, что означа-

ло фактическое прекращение действия новисадской резолюции. Принятая вскоре ответная декларация сербских литераторов и лингвистов признавала право на самостоятельное и равноправное развитие хорватского и сербского языков [Багдасаров 2004]. Очевидным следствием постулата о наличии нескольких языков стали резкая интенсификация споров об «историко-лингвистическом первородстве» и возможность «выделения» новых языков в соответствии с административно-территориальным делением СФРЮ [Пивоваренко 2013]. Несмотря на жесткую критику со стороны партийных структур, запрет и изъятие ряда изданий, наконец, закрытие в 1972 г. Матицы хорватской, эти декларации имели необратимые последствия, фиксируя лингвистическое обособление и, соответственно, еще более усиливая противопоставление «своего» этноса «значимому другому».

Инспирированное Декларацией о языке хорватское массовое движение рубежа 1960–1970-х гг. (*masovni pokret*, сокр. *маспок*), в котором активную роль играли студенты и преподаватели университетов, позволило новому поколению республиканского руководства (С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркер и др.) выдвинуть программу значительного расширения экономических и политических полномочий республики, ее полного контроля над системой образования и средствами массовой информации. Весьма важным аспектом политических и культурных изменений этого периода стала серьезная активизация контактов республиканской политической, научной и культурной элиты с представителями хорватской диаспоры за рубежом, в которой лидирующую роль играли бежавшие из Хорватии усташи и их пропоненты. Помимо Матицы хорватской, значительную роль в идейном напол-

нении «Маспока» сыграл Институт рабочего движения в Хорватии, который в 1961–1967 гг. возглавлял Ф. Туджман. Институт шел в авангарде новой политики памяти, нацеленной на реабилитацию идеи самостоятельной хорватской государственности (в т. ч. в усташистском исполнении), приуменьшение масштаба жертв режима А. Павелича, объяснение его преступлений чрезвычайными обстоятельствами войны, внешним давлением и враждебными действиями представителей других этнических групп. Ряд исторических исследований и окологисторических публикаций того времени способствовали росту популярности представлений о несправедливости границ Хорватии внутри СФРЮ. В неофициальном порядке заявлялись претензии на значительную часть боснийской территории, входившую, согласно соглашению Цветковича-Мачека 1939 г., в состав Хорватской бановины.

В результате политического кризиса на рубеже 1960–1970-х гг. Тито склонялся к признанию нормальной ситуации двойной идентичности – наднациональной и этнонациональной. Отдавая предпочтение первой, Тито отрицал, что югославизм несет какую-либо угрозу этнонациональной идентичности. Подавляя националистические выступления и жестко борясь с соответствующими уклонами внутри партии, югославский лидер в конце концов предпочел компромиссную линию, позволяющую учитывать интересы большинства республиканских когорт номенклатуры СКЮ. Кульминационным пунктом этих изменений стало принятие в 1974 г. новой Конституции СФРЮ, которая усиливала полномочия республик, а двум образованиям в составе Сербии – автономным краям Косово и Воеводина – придавала статус субъектов федерации, практически уравнивая их в правах с республика-

ми. В результате Югославия после неизбежного ухода из жизни Тито становилась образованием, по типу государственного устройства близким к конфедерации, а югославская идея трансформировалась в эвфемизм, прикрывающий кондоминиум республиканских партийных элит. Однако именно лидерство Тито обеспечивало относительно внутреннее равновесие внутри номенклатурного кондоминиума СКЮ. После его смерти (04.05.1980) это равновесие оказалось быстро нарушенным. Тито сам создал ситуацию, при которой на федеральном уровне ему было просто некому передать политическую эстафету [Романенко 2000]; посттитовская модель организации федеральной власти оказалась повсеместно дискредитирована.

Фактор политической агентности в распаде СФРЮ, сецессиях Словении и Хорватии

В конце 1970-х гг. американский исследователь Г. Берч иронично описывал Югославию как страну с «шестью республиками, пятью нациями, четырьмя языками, тремя религиями, двумя алфавитами и одним югославом – Тито» [Bertsch 1977]. Согласно официальной статистике, югославов все же было больше: по переписи 1981 г., 5,76% опрошенных определили свою этническую принадлежность как «югослав» [Nacionalni sastav 1981, p. 64]. Правда, немалую часть «югославов» составляли рожденные в смешанных браках; после распада федерации многие из них предпочли относить себя к титульной для соответствующего государства этнической группе. Гораздо существеннее, что этническая идентичность большинства жителей Югославии дополнялась идентичностью, связанной с принадлежностью к многонациональному социа-

листическому государству. Однако в 1980-е гг. вариация титовской формулы югославского «братства и единства», предполагающая создание мультиэтнической федерации без явного лидерства одной из этнических групп, утратила свою популярность. Повсеместной была неудовлетворенность существующей политической системой [Ramet 1985], а также экономической моделью, неспособной обеспечить преодоление структурных и территориальных диспропорций, сохранение относительно высоких (по меркам других социалистических стран) стандартов благосостояния.

На уровне республик к моменту смерти Тито доминировали безликие функционеры, оттеснить которых легче всего было путем выдвижения националистической программы, означающей фактически пересмотр титовского наследия. Первые, пусть даже самые осторожные шаги в направлении демократизации политической системы (хотя бы применительно к процессу принятия решений на уровне республиканских Союзов коммунистов) неизбежно приобретали этнонациональное измерение, которое и становилось определяющим. Это, в свою очередь, детерминировало траекторию лидерства, объективно сближая даже таких антагонистов, как М. Кучан и С. Милошевич. По сути дела, радикальный политический поворот, связанный с именем Милошевича, и ответ на него элит Словении и Хорватии оказались роковыми для целостности СФРЮ.

Как известно, роль агентивных факторов резко возрастает в условиях социального и политического кризиса. В посттитовской Югославии влияние структурных факторов было изначально недостаточным для обеспечения устойчивой политической стабильности, но, по мере приближения наиболее острой фазы кризиса (critical juncture,

в терминах Р. и Д. Кольеров [*Collier R., Collier D.* 1991]), агентность приобрела исключительное значение. Вклад С. Милошевича, Ф. Туджмана, М. Кучана, А. Изетбеговича и ряда других политиков в динамику кризиса югославской федерации, сецессий и последовавших за ними конфликтов был чрезвычайно значимым и, безусловно, несводимым только к личностному выражению «объективных тенденций» дезинтеграции сложносоставной мультиэтнической политики. Большинство политических и медийных акторов на всем пространстве агонизирующей федерации способствовали поляризации общественного мнения по оси «мы – они», порождая не просто взаимное отчуждение, но и избирательные слепоту и глухоту к человеческим страданиям, если только это были страдания «других». То, что еще на излете правления Тито могло пока рассматриваться как одно макрополитическое сообщество – пусть далеко не единое, мультиэтническое, ослабляемое явными и скрытыми противоречиями, – к концу 1980-х гг. таковым быть фактически перестало именно в результате «политики разделения» [*Bourdieu* 1990], приведшей к отрицанию политическими элитами и стоящими за ними этническими группами возможности своего дальнейшего сосуществования в едином государстве.

Политическая агентность способна также обеспечить резкое ускорение трансформационных или запуск эмерджентных процессов в социокультурной сфере [*Bhabha* 1994], выступая катализатором изменения старой, появления новой или гибридной идентичности, что в целом ведет к усилению кризисной динамики и напряженности между носителями разных типов идентичности. Трансформация идентичности не происходит в вакууме, она выступает результатом взаимодействия

(во многих случаях конфликтного) различных идентичностей, включая и этнические. Для хорватов и словенцев с момента объединения в одно государство под скипетром Карагеоргиевичей сербы превратились в «значимого другого»; для сербов эту роль стабильно играли хорваты, периодически – преимущественно в условиях кризисной политической динамики – словенцы, косовские албанцы и мусульмане-босняки. Такого рода взаимодействие включает в себя не только аккумуляцию негативной исторической памяти об отношениях с «другим» с изъятием фактов собственных действий в ущерб «другому», стремление подчеркнуть отличия на символическом уровне, но и своеобразное подсознательное отзеркаливание. Например, для идентичности и сербов, и хорватов эпохи социалистической Югославии было характерно стремление усилить комплекс жертвы, будь это память о жертвах войн и геноцида, утрате собственной государственности или отказе от своего этнонима в названии нового государства, упор на реальные или мнимые экономические и социальные издержки ради поддержания функционирования наднациональных структур и «подтягивания» менее развитых республик.

Мотив недостаточного признания в масштабе федерации сербской виктимности и самопожертвования был одним из главных в тексте Меморандума Сербской академии наук и искусств (САНИ), подготовленного в 1986 г. влиятельной группой сербской интеллектуальной элиты, разделявшей идеи известного писателя Д. Чосича. Подобно тому, как Декларация 1967 г. о языке стала триггером общегославского политического кризиса и способствовала трансформациям идентичности не только хорватов, но и сербов и других этносов, этот Меморандум сыграл аналогичную роль во второй по-

ловине 1980-х гг. В нем был осуществлен отход от югославизма в сторону сербской национальной самобытности. В политическом смысле это означало требование пересмотра формулы югославского федерализма таким образом, чтобы обеспечить беспорное доминирование самого крупного этноса. Если же этой цели в масштабах СФРЮ достичь не удастся, то она должна быть реализована на всех территориях, в составе населения которых преобладают сербы, а также в Косово [Михаиловић, Крестућ 2017].

С. Милошевич, в 1986 г. негативно оценивший националистическую направленность Меморандума САНИ, фактически реализовал его программу в части восстановления контроля Белграда над Воеводиной (1988 г.) и Косово (1989 г.), а также обеспечения лояльности Черногории (1989 г.). Используя им инструментарий – националистическая и популистская риторика, организация массовых шествий и демонстраций (в день 600-летней годовщины битвы на Косовом поле в мемориальном митинге приняли участие более 1 млн чел.) и принуждение нелояльного руководства к отставке – обеспечил Милошевичу исключительную популярность среди сербского населения, но одновременно создал ощущение нарастающей угрозы у политических элит и населения других республик. Хрупкий баланс сдержек и противовесов, установленный конституцией СФРЮ 1974 г., был нарушен; в составе коллективного руководства федерацией Милошевич уверенно опирался на половину голосов; сербское население в Боснии и Герцеговине и Хорватии становилось еще одним очень важным фактором нарастающей конфронтации.

Окрыленный успехами в Воеводине, Косово и Черногории, Милошевич стремился к укреплению позиций фе-

деральных структур, в которых он был близок к установлению своего контроля. Напротив, политические элиты Словении и Хорватии отстаивали прямо противоположные позиции. Сепарация не была их ближайшей задачей. Конституционный компромисс 1974 г., фактически трансформировавший Югославию в конфедерацию, обеспечивал Словении и Хорватии важные преимущества, особенно в области экономики. Правда, эти преимущества отчасти обесценивались проводимой федеральным центром политикой перераспределения доходов и ресурсов в пользу менее развитых республик. Тем не менее на югославском рынке относительно развитая промышленность этих двух республик пользовалась конкурентными преимуществами. Соответственно, до второй половины 1980-х гг. элиты двух республик были заинтересованы в сохранении единого рынка и в полном политико-правовом закреплении конфедеративного устройства, гарантирующем от возрождения централизма, особенно той его версии, которая могла бы обеспечить доминирование сербов в масштабах всей Югославии. Кроме того, словенские и хорватские элиты выступали наиболее активными сторонниками сближения с Европейским сообществом, что означало отход от титовской формулы югославской внешней политики. По сути дела, их основная установка заключалась в предельном ослаблении наднациональной составляющей, которое позволило бы функционировать республикам как де-факто независимым в областях внутренней и внешней политики, а также внешней торговли, но при этом гарантировать экономические преимущества, связанные с сохранением югославского внутреннего рынка.

Проблема Косово также оказала серьезное влияние на изменение позиций элит и значительной части обще-

ства Хорватии и Словении в отношении сохранения единства Югославии. Интеллектуалы круга Чосича, с одной стороны, и Милошевич, с другой, возродили и предельно усилили влияние «косовского мифа» на сербскую идентичность, вернув ему функцию инструмента этнонациональной консолидации и мобилизации. В то же время сербское и (отчасти) федеральное руководство рассчитывало, что другие республики в косовском вопросе займут позицию солидарности южных славян. В частности, после новой дестабилизации обстановки в Косово в 1981 г. спорным вопросом стало участие словенских полицейских в подавлении выступлений косовских албанцев. После длившихся несколько лет споров руководство Словении приняло решение о выводе своих подразделений из состава полицейских сил, задействованных в подавлении беспорядков.

Факторы идентичности в сецессиях Словении и Хорватии

Характерной особенностью большинства словенцев был лоялизм в отношении государства, в составе которого находились словенские земли. В отличие от более радикальных установок хорватских элит (начиная еще со времен бана Й. Елачича), словенские элиты предпочитали использовать имеющееся в соответствующий исторический момент «окно возможностей» для расширения культурной автономии, затем – экономической самостоятельности и укрепления структур государственного управления, даже если при этом Словения выступала экономическим донором для других регионов. Предполагалось также, что в руководстве союзной Югославии Тито и Кардель оказывают содействие,

по крайней мере, выборочное, защите словенских интересов. В результате сложился стереотип, согласно которому в Югославии «сербы правят, хорваты спорят, а словенцы платят» [Perovšek 2004].

После смерти Э. Карделя (1979 г.) и Тито словенцы, подобно хорватам, начали убеждаться в том, что баланс сил на федеральном уровне смещается не в их пользу. Немалый вклад в пропаганду идей суверенитета, преодоление прежних социально-политических разделений словенцев, а также в критику коммунистического режима внесли писатели и интеллектуалы, объединившиеся вокруг редакции журнала «Новая ревия» [Старикова 2015]. По мере усиления разногласий с Белградом, словенское общественное мнение стало демонстрировать свои симпатии косовским албанцам. Сербь, вынужденные бежать из своих деревень под давлением косовских албанцев, представлялись во многих словенских и хорватских СМИ не более, чем инструменты националистической пропаганды Белграда; в свою очередь, сербские СМИ и их аудитория оставались глухи в отношении потока информации о страданиях албанцев. Позиция Любляны рассматривалась сербскими лидерами и обществом как «предательство» и «удар в спину»; подогреваемое СМИ возмущение вскоре вылилось в кампанию бойкота произведенной в Словении продукции и конфискацию словенской собственности в Сербии. Конфронтация же в сферах экономики и финансов лишала Словению наиболее важных стимулов поддерживать целостность Югославии. Хорватия (за исключением сербского меньшинства в этой республике) демонстрировала поддержку Словении. На этом фоне в обеих республиках обретал популярность лозунг «возврата в Европу», предполагавший не только пересмотр базовых постула-

тов титовской политики неприсоединения, но и акцентирование пагубности привязки к «Балканам», т. е. основному этнотерриториальному массиву Югославии с преобладанием православия и османского социокультурного наследия. Очевидно также, что в этом лозунге проявлялся излишний оптимизм в отношении возможностей дальнейшего продвижения хорватской и словенской продукции на общий рынок стран Западной Европы (закрытие многих предприятий и даже утрата целых отраслей в процессе присоединения Хорватии и Словении к ЕС послужили эмпирическим опровержением слишком радужных оценок перспектив «возврата в Европу»).

В конечном счете противоречия вокруг Косово привели к критической перегрузке югославской политической системы, с которой она уже не смогла справиться [Bebler 2017]. Та точка, в которой теоретически было возможно достижение компромисса, позволяющего предотвратить распад Югославии, оказалась во второй половине 1980-х гг. вне пределов политически достижимого даже в рамках Союза коммунистов Югославии. XIV (чрезвычайный) съезд СКЮ (январь 1990 г.), на котором численно доминировали сторонники Милошевича, отверг предложения словенской делегации, ключевым из которых было преобразование партии в федерацию автономных республиканских партийных организаций. После этого словенская делегация покинула заседание съезда, а хорватская отказалась участвовать в принятии каких-либо решений до возвращения словенцев. СКЮ перестала функционировать как единое целое, и, таким образом, югославская федерация лишилась своей основной опоры.

С. Милошевич и его окружение становились в тех же Хорватии и Словении не просто исключительно удобны-

ми объектами для демонизации всего сербского – их центральное положение в политическом поле распадающейся Югославии открывало путь к власти в оппонирующих Белграду республиках носителям этнонационалистической программы. Победа возглавляемого Ф. Туджманом Хорватского демократического содружества (ХДС) на первых многопартийных выборах в Хорватии (апрель 1990 г.) – во многом результат стремления избирателей максимально дистанцироваться от сербского лидера. Дистанцироваться в том числе и путем отказа в поддержке вчерашним однопартийцам Милошевича, даже несмотря на то, что хорватские коммунисты во главе с достаточно популярным И. Рачаном входили в число его наиболее активных оппонентов. Поражение Союза коммунистов Хорватии, перед выборами добавившего к своему наименованию эпитет «Партия демократических перемен», было связано и с тем, что около трети его состава составляли сербы, хотя их доля в населении Хорватии на момент провозглашения независимости республики не превышала 13%. Выборы 1990 г. в Хорватии, в сущности, служат еще одним подтверждением тезиса, что распад Югославии был обусловлен синергией этнонациональных противоречий, тогда как идеологически мотивированная борьба с коммунистической властью была лишь их продолжением и источником дополнительной моральной легитимности.

Приход к власти в Загребе Ф. Туджмана, в значительной мере оказавшийся реакцией на политику С. Милошевича, означал радикализацию хорватского этнонационализма, хотя Туджман и поддерживал риторику о приемлемости для Хорватии модели конфедерации. Вместе с тем именно с ним связан курс на «хорватизацию» структур власти и их «очистку» от присутствия сер-

бов и черногорцев. Он же стал фактическим вдохновителем притязаний на часть территорий Боснии и Герцеговины, населенных хорватами. Туджман был не только наиболее видной фигурой в лагере хорватских антикоммунистических сил – он одновременно входил в число ведущих акторов политики памяти в республике, с начала 1960-х гг. развивая систему аргументов, направленных на фактическую реабилитацию «Независимого государства Хорватия». По сути дела, Туджман предлагал наиболее простую и некритически воспринимаемую на обывательском уровне версию корректировки хорватской исторической памяти, позволяющую осуществлять «селекцию воспоминаний» о том же концентрационном лагере Ясеновац и других преступлениях усташистского режима, а также предъявить свой «исторический счет» сербской стороне. После такой селекции все хорватское историческое прошлое было несложно представить в примордиалистском духе – в качестве единого континуума, восходящего ко временам античности или раннего средневековья, чьей квинтэссенцией было многовековое стремление к созданию и упрочению самостоятельной государственности [Bellamy 2013, p. 182].

Туджман, Милошевич, другие ключевые акторы югославской драмы использовали символические процессы в коммуникации с широкими слоями населения для установления устойчивой эмоциональной связи, делая упор на травматическом опыте своей этнической группы, манипулируя историческими, культурными и религиозными символами таким образом, чтобы заставить массы мыслить и действовать в соответствии с их задачами. И на агентивном уровне (Милошевич vs. Туджман), и на уровне политической пропаганды, ее восприятия и усвоения в массовом сознании, в конце концов,

на уровне идентичности начинала работать положительная обратная связь. «Образ другого» стремительно трансформировался в «образ врага», от которого необходимо защитить свой домашний очаг.

Именно действием положительной обратной связи можно объяснить, что сербско-хорватские противоречия в считанные годы переросли из утомительных дебатов в стенах союзной Скупщины в этнические чистки, осады и бомбардировки крупных городов. У каждой из сторон усиливалось «оборонительное сознание» [Манн 2016, с. 654]. При этом любой новый акт, усиливавший действие положительной обратной связи, реализуемый одной из сторон конфронтации, рассматривался политическими (а потом – и военными) акторами другой стороны как оправдание своих собственных симметричных либо еще более деструктивных действий.

В случае Словении такая связь тоже возникала, хотя она была менее продолжительной и радикально выраженной. Тем не менее и этой связи оказалось достаточно для запуска механизма сецессии таким образом, чтобы она представлялась как политический акт, отвечающий чаяниям словенцев. В целом, однако, восприятие идеи независимости в идентичности словенцев было обусловлено осознанием исчерпанности традиционного лоялизма, а перемены в общественном сознании в основном были синхронизированы с практическими шагами политических лидеров по подготовке сецессии. После десятидневной войны (27 июня – 7 июля 1991 г.) и формального признания Белградом независимости Словении факторы положительной обратной связи довольно быстро прекратили действовать. Словения не является непосредственным соседом Сербии; территории компактного прожи-

вания сербского меньшинства в Словении также отсутствуют. На роль «значимого другого» в словенском общественном сознании теперь, скорее, может претендовать Хорватия, с которой остается неразрешенный территориальный спор в районе адриатического побережья. Впрочем, конфликтность, связанная с этими территориальными разногласиями, не отличается высокой интенсивностью.

Сама география позволила Словении сохранить дистанцию в отношении вооруженных конфликтов 1990-х гг. на постъюгославском пространстве. По мере продвижения переговоров о вступлении в ЕС словенская элита все более уверенно настаивала на культурно-географической принадлежности Словении к Центральной Европе, конструируя ее образ как небольшой и самобытной части альпийско-адриатического региона. Вслед за географией метаморфозы претерпевала и история: прежняя Югославия (и монархическая, и социалистическая) представлялась как олицетворение «балканизма» и «византизма» [Repe 2008]. Правда, в основном уже после вступления Словении в Европейский союз в 2004 г., наметилась контртенденция усиления югностальгии, которая, впрочем, не имеет значимого политического измерения [Velikonja 2009; Ефременко, Мелешкина 2020].

Значимую роль в обретении Словенией независимости сыграли и особенности политического лидерства. М. Кучан, несомненно, был ключевой фигурой на словенской политической сцене, но он, в отличие от Туджмана в Хорватии, не претендовал на полное доминирование, да и отмеченные выше обстоятельства не благоприятствовали формированию персоналистского режима. После проведения первых многопартийных выборов в апреле 1990 г. Кучан разделял с лидерами других по-

литических сил Словении ответственность за достижение Словенией независимости и международное признание.

Сецессия Словении создавала «эффект домино», хотя ситуация была по-своему парадоксальной. Напрямую выход Словении из состава СФРЮ, казалось бы, не затрагивал основной оси внутреннего напряжения на пространстве Западных Балкан – отношений «между Сербией, Хорватией и находящейся между ними Боснией и Герцеговиной» [Никифоров 2011, с. 865]. Но на деле словенская сецессия необратимо нарушала внутренний баланс СФРЮ. С одной стороны, Хорватия, и без того подталкиваемая к разрыву с Югославией этнонационализмом Ф. Туджмана и его политического движения, после ухода Словении неизбежно осталась бы в меньшинстве на уровне федерального руководства. С другой стороны, если бы первой отделилась Хорватия, Словения оказалась бы даже географически оторванной от остальной Югославии. Можно утверждать поэтому, что сецессии Словении и Хорватии были взаимообусловлены и до определенной степени скоординированы (правда, неформальный союз словенских и хорватских элит переставал действовать в наиболее критические моменты, когда политический конфликт переходил в вооруженное противостояние с силами ЮНА). Ситуация была необычной в том, что Словения, несмотря на традиционную для ее политической культуры сдержанность и стремление к поиску взаимоприемлемых компромиссов, долгое время шла на шаг впереди Хорватии, риски для которой в процессе сецессии были значительно выше.

При этом, однако, хорватская сецессия отличалась от словенской, а они обе – от последовавших вскоре сецессий Македонии и Боснии и Герцеговины. Если от появления на страницах

журнала «Новая ревия» четко сформулированного призыва к независимости Словении (1987 г.) до референдума о государственной независимости прошло чуть более трех лет, то в случае Хорватии можно говорить о гораздо более длительном и неравномерном процессе переориентации общественного сознания на идею самостоятельной государственности. Этому способствовали обращения к давнему историческому прошлому, в частности, к эпохам образования первых хорватских княжеств (VII в.) и королевства Хорватия (X – нач. XII вв.), память о драматических событиях 1848–1849 гг. и – в особенности – воспоминания о «Независимом государстве Хорватия» периода Второй мировой войны. Помимо дискуссий об исторических основаниях права на независимость, особое напряжение процессам роста хорватского этнонационализма в СФРЮ придавала сильная антисербская направленность, основанная не только на опыте прошлого, но и на понимании того, что Сербия и сербы станут основными препятствиями в воссоздании хорватской независимой государственности как в границах Социалистической Республики Хорватии, так, в особенности, и в границах, определенных соглашением Цветковича – Мачека от 26 августа 1939 г. Очень важным внешним фактором подъема этнонационализма и сепаратистских устремлений была сильная хорватская диаспора, имевшая значительные возможности лоббистского влияния и в Северной Америке, и в ряде стран Западной Европы. Уже во времена «Маспока» идейная и ресурсная подпитка хорватского этнонационализма из-за рубежа была весьма ощутимой; не прекратилась она и после подавления Тито «хорватской весны». Доступ к внешним ресурсам, а также поддержка хорватской католической церкви способствовали то-

му, что созданная в 1989 г. партия Хорватское демократическое содружество (ХДС) быстро превратилась в мощнейшую оппозиционную силу, а после победы на первых многопартийных выборах в апреле-мае 1990 г. – еще более стремительно – в общехорватскую партию власти.

Успех возглавляемого Ф. Туджманом ХДС означал выбор в пользу радикализации пути к независимости. Приход к власти партии, по своему составу практически свободной от этнически нехорватских элементов (сам Туджман, впрочем, заявлял об открытости членства в ХДС для представителей любых этнических групп), а на уровне лозунгов и символической политики оперировавшей инструментарием эпохи усташей, привел к панической реакции хорватских сербов. С одной стороны, многие из них были окрылены надеждами на всесербское возрождение, которое в тот момент олицетворял С. Милошевич. С другой стороны, память об этнических чистках периода Второй мировой войны и ожидание их повторения от нового режима ХДС побуждала хорватских сербов к не менее решительным действиям, чем те, что предпринимались из Загреба Ф. Туджманом и его правительством. По сути, радикальные изменения во внутренней политике Хорватии – в тот момент еще республики в составе СФРЮ – не оставляли пространства для хорватско-сербского компромисса. Если до фактической смены режима еще можно было рассчитывать, что площадкой урегулирования конфликтов останется многопартийный Сабор в Загребе, то после принятых новой властью решений о языке и национальной символике большинство сербов Хорватии предпочли односторонние действия в расчете на твердую поддержку Белграда и ЮНА. В результате начала реализовываться модель «сецессия внутри сецес-

сии», опробованная также и в Советском Союзе как технология сдерживания сепаратизма. Однако точно так же, как и на постсоветском пространстве, эта технология привела к возникновению новой политической реальности и усеченной (по крайней мере, в территориальном измерении) государственности нескольких стран, возникших после распада двух социалистических федераций. То обстоятельство, что сецессию Сербской Краины поддерживали влиятельные силы в Белграде, не означает, что «попытка бегства» из свободной Хорватии не отвечала страхам и надеждам значительной части сербского меньшинства. Более уместно рассматривать «сецессию в сецессии» как еще одно проявление положительной обратной связи в процессе нарастания хорватско-сербского антагонизма.

Ф. Туджман и другие деятели ХДС не были заинтересованы в поиске реального компромисса с сербским населением своей республики. В более отдаленной перспективе Туджман рассматривал Милошевича (но не лидеров хорватских сербов) в качестве равновеликого партнера по диалогу о судьбе постъюгославского пространства. Для этого ему было необходимо решительно укрепить позиции своего режима и формируемой им новой хорватской государственности. Относительная сдержанность Туджмана в риторике о будущем Югославии в первые месяцы после прихода к власти объяснялась необходимостью выиграть время для организационной, материально-технической и информационно-пропагандистской подготовки предстоящей сецессии, а также обеспечения ее международной поддержки. Причем в информационно-пропагандистском плане режим ХДС установил не менее жесткий контроль над средствами массовой информации и системой образования, чем прежний коммунистический режим [Ливо-

варенко 2013; Ugrešić 1994]. Сохранение журналистами и преподавателями лояльности Югославской федерации стигматизировалось, становилось маркером «антихорватских» устремлений. На официальном и – особенно – неофициальном уровнях «фактически были реабилитированы усташские традиции» [Гуськова 2001, с. 147]. Можно сказать, что ХДС включился в процесс конструирования хорватской идентичности при помощи механизмов государственного принуждения, имея в виду подготовку населения к серьезному, отнюдь не только политическому противоборству в самом ближайшем будущем. Одновременно поощрялись ирредентистские настроения, и тем самым создавались благоприятные условия для вмешательства в разразившийся в 1992 г. конфликт в Боснии и Герцеговине.

При таком подходе даже символические шаги навстречу сербскому меньшинству представлялись отходом от исполнения «тысячелетней хорватской мечты» о независимой государственности. По всей видимости, жесткая ответная реакция хорватских сербов, в частности, «революция бревен» в августе 1990 г., могла рассматриваться правящими кругами в Загребе как убедительное оправдание собственных действий по ускоренному формированию и укреплению хорватских силовых структур.

Определенная готовность к поиску компромиссов проявилась в Загребе в конце 1990 г., но это было связано с подготовкой новой конституции, для поддержки проекта которой было недостаточно одной лишь электоральной базы ХДС. Фактически речь шла о компромиссе, ориентированном на объединение хорватских политических сил на решающем этапе продвижения к полной независимости, а не на поиск взаимопонимания с хорватскими серба-

ми. В частности, НГХ в тексте конституции было отказано в праве считаться историческим предшественником современной Хорватии (его создание было интерпретировано как ложный шаг тех, кто стремился к обретению независимости, но использовал для этого неприемлемые средства); одновременно подтверждалась прямая связь хорватской государственности с решениями Земельного антифашистского веча народного освобождения Хорватии (1943 г.) и всеми хорватскими конституциями, принятыми в период существования титовской Югославии. Несмотря на очевидную уступку политическим оппонентам Туджмана, прежде всего социал-демократам (бывшим коммунистам), в плане конструирования идентичности это был весьма важный шаг, помогавший избежать правового и смыслового вакуума, тотального отрицания достижений длительной исторической эпохи, с которой была связана биография подавляющего большинства имеющих право голоса хорватских избирателей. Не отказываясь от правонационалистических ориентиров и ценностных установок, составители Конституции 1990 г. осуществили попытку приспособления к задачам отделения от СФРЮ политической традиции, связанной с создателем югославской социалистической государственности. Очевидно, что через несколько месяцев, в момент провозглашения Декларации о суверенитете и самостоятельности (25.06.1991) и начала открытых военных действий, этот компромисс облегчил консолидацию основных политических сил Хорватии и формирование правительства национального единства (июль 1991 – август 1992).

Рождественская Конституция² зафиксировала этнонационалистический

консенсус в хорватском обществе. Она исключала создание в составе Хорватии территориальных автономий представителей других этносов. Конституция открывала некоторый простор для развития региональных идентичностей, но ограничивала их проявления ненанесением ущерба правовому порядку и территориальной целостности Хорватии. Права на культурную автономию этнических меньшинств формулировались недостаточно четко; хотя сама Хорватия провозглашалась «государством хорватов и сербского народа в Хорватии», большинство хорватских сербов рассматривали совокупность всех этих конституционных новаций как отрицание их политической субъектности. Радикальный курс ХДС и фактическое согласие с ним большинства других политических сил Хорватии подтолкнули сербов к серии жестких симметричных ответов или упреждающих действий: 21 декабря 1990 г., за сутки до принятия новой хорватской конституции, была провозглашена Сербская автономная область Краина (САОК); 28 февраля 1991 г., через неделю после одобрения официальным Загребом резолюции «О разъединении с СФРЮ» («о раздружении»), органы власти САОК приняли резолюцию об отделении от Хорватии и намерении остаться в составе СФРЮ; 16 мая 1991 г., за три дня до проведения референдума о независимости Хорватии, скупщина САОК объявила о присоединении Краины к Югославии. Таким образом, можно говорить о том, что возникновение современного хорватского государства сопровождалось острым конфликтом на уровне этнополитических идентичностей, причем наиболее влиятельные акторы и с сербской, и хорватской стороны вполне осознанно шли на его усиление.

2 Принята в канун праздника Рождества, 22 декабря 1990 г.

Заключение

Две взаимосвязанные и взаимообусловленные сецессии – словенская и хорватская – положили конец существованию социалистической федеративной Югославии. Состояние и основной вектор трансформации идентичности словенцев и хорватов во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. благоприятствовали сецессиям, но их не предопределяли. Существенными факторами динамики идентичности выступали как вся совокупность социокультурного и исторического наследия этих двух этносов, так и особенности их положения в рамках СФРЮ – особенности, которые нельзя упрощенно оценивать в диапазоне положительных или отрицательных значений. Очень сильным было влияние внешних факторов, к которым, во-первых, следует отнести изменения в политическом ландшафте Сербии и их эхо в структурах власти на федеральном уровне, и, во-вторых, приближение коллапса политического режима в СССР и других странах Восточной Европы, а также завершение холодной войны. Наконец, влияние политических лидеров, в целом фактора политической агентности не просто значимо – именно на этом уровне шла работа с идентичностью массовых групп и ее дальнейшая трансформация, включая, в частности, быструю эрозию общегославских ценностей и титоистского идеократического метанарратива. В определенный момент нацеленность на сецессию вышла на первый план по силе воздействия на состояние идентичности словенцев и хорватов. Но в Хорватии, с приходом к власти Туджмана и ХДС, интенсивность политических трансформаций достигла качественно нового уровня. Если в Словении к 1991 г. достижение государственной независимости стало предметом консенсуса мест-

ных элит, между которыми по остальным политическим вопросам сохранялись серьезные разногласия, то в Хорватии произошло не просто установление контроля ХДС над структурами государства – практически вся система органов власти в Хорватии, если использовать терминологию Р. Брубейкера, начала функционировать в режиме «национализирующего государства» [Brubaker 1998]. Причем сверхзадачей была перезагрузка хорватского этнонационализма на государственном уровне, результатом которой стало специфическое слияние независимой государственности и монополизации политической власти Туджманом и ХДС, – так называемый феномен франьоизма [Bellamy 2013]. Последствия франьоизма до сих пор являются существенной составляющей политических процессов в Хорватии, несмотря на то, что власти в Загребе сразу после смерти Туджмана приступили к демонстративному дистанцированию от наиболее одиозных аспектов его наследия.

Вслед за отделением от СФРЮ Словении и Хорватии последовали сецессии Боснии и Герцеговины и Македонии. Их с достаточным основанием можно назвать «вынужденными сецессиями», когда выбор в пользу отделения от мультиэтнического государственного образования становился безальтернативным в силу необратимости процессов его распада или когда все другие варианты представлялись местным элитам «еще большим злом». В подобных обстоятельствах состояние идентичности титульного этноса (если таковой имелся) было далеко от полной готовности к успешному существованию в рамках независимого государства. Аналогичная картина наблюдалась и в большинстве республик бывшего СССР. При таком состоянии идентичности вновь обретшее независимость государство по необходимости

превращалось в «национализирующее государство». «Мы создали Италию, теперь осталось создать итальянцев» – эта крылатая фраза М. Д'Адзельо удачно описывает дилемму, с которой имеют дело не только лидеры государств, возникших в результате воссоединения разрозненных частей, но и многих государств, выделившихся из много-составного целого. То обстоятельство, что государства с подобными родовыми чертами появились и на пространстве бывшей Югославии, также можно рассматривать в качестве важных следствий сецессии Словении и Хорватии.

Список литературы

- Багдасаров А.Р. (2004) История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс. С. 30–49.
- Гуськова Е.Ю. (2001) История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд.
- Офременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. (2020) Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // Политэкс. Т. 16. № 1. С. 78–100. DOI: 10.21638/spbu23.2020.105
- Манн М. (2016) Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М.: Пятый Рим.
- Михаиловић К., Крестић В. (2017) «Меморандум САНУ» после тридесет година. Београд: НИД Компанија «Новости» (на сербском).
- Никифоров К.В. (2011) Геополитический аспект югославского кризиса // Югославия в XX в. Очерки политической истории. М.: Индрик. С. 865–870.
- Пивоваренко А.А. (2013) Становление СМИ в независимой Хорватии // Славянский альманах: 2013. М.: Индрик. С. 251–255.
- Пивоваренко А.А. (2014) Предпосылки выхода Хорватии из СФРЮ. Республиканский аспект // Вестник славянских культур. № 3. С. 50–68 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21970560_91603372.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Романенко С.А. (2000) Югославия: Кризис, распад, война. Образование независимых государств. М.: Московский общественный научный фонд.
- Старикова Н.Н. (2015) Словенские писатели и «бархатная революция» // Славянский альманах: 2015. Вып. 1–2. М.: Индрик. С. 215–224.
- Хобсбаум Э. (1998) Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя.
- Abernethy D.B. (2000) *The Dynamics of Global Dominance. European Overseas Empires*, New Haven: Yale University Press.
- Acemoglu D. et al. (2002) Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 117, pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025
- Bebler A. (2017) *Izzivi vojne in miru*, Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.
- Bellamy A. (2013) *The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-Old Dream?* Manchester: Manchester University Press.
- Bertsch G.K. (1977) Ethnicity and Politics in Socialist Yugoslavia // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 433, no 1, pp. 88–99. DOI: 10.1177/000271627743300109
- Bhabha H.K. (1994) *The Location of Culture*, Oxford: Oxford University Press.
- Bourdieu P. (1990) *In Other Words. Essays towards a Reflexive Sociology*, Stanford: Stanford University Press.
- Brown C.L. (ed.) (1996) *Imperial Legacy. The Ottoman Inprint on the Balkans and the Middle East*, New York: Columbia University Press.
- Brubaker R. (1998) Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism //

The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism (ed. Hall J.), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 272–306.

Collier R.B., Collier D. (1991) *Shaping the Political Arena. Critical Junctures, the Labor Movement and Regime Dynamics in Latin America*, Princeton (NJ): Princeton University Press.

Dimitrova-Grajzl V. (2007) The Great Divide Revisited: Ottoman and Habsburg Legacies on Transition // *KYKLOS*, vol. 60, no 4, pp. 539–558. DOI: 10.1111/j.1467-6435.2007.00384.x

Gross M. (2000) *Izvorno pravaštvo – ideologija, agitacija, pokret*, Zagreb: Golden marketing.

Hobsbawm E.J. (1997) *The End of Empires // After Empire: Multiethnic Societies and Nationbuilding. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires* (eds. Barkey K., von Hagen M.), Boulder (Col.), Oxford: Westview press, pp. 12–18.

Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije (1981). Knjiga I, Beograd: IŠP “Savremena administracija”.

Perovšek J. (2004) Srbi vladajo, Hrvati razpravljajo, Slovenci plačujejo: Mit in resničnost prve Jugoslavije // *Časopis za zgodovino in narodopisje*, vol. 75, no 2–3, pp. 405–427.

Ramet P. (1985) *Apocalypse Culture and Social Change in Yugoslavia // Yugoslavia in the 1980s* (ed. Ramet P.), Boulder (Col.): Westview Press, pp. 3–26.

Repe B. (2008) Regional Differences, Slovene National Identity, and the Foundation of the Slovenian State // *Slovene Studies*, vol. 30, no 2, pp. 255–263 // <https://journals.lib.washington.edu/index.php/ssj/article/viewFile/14774/12383>, дата обращения 10.12.2020.

Ugrešič D. (1994) *The Culture of Lies // Index on Censorship*, vol. 23, no 1–2, pp. 23–43.

Velikonja M. (2009) *Lost in Transition // East European Politics and Societies*, vol. 23, no 4, pp. 535–551.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-4

Identity and Secession: The Case of the Secession of Slovenia and Croatia from Yugoslavia

Dmitry V. EFREMENKO

DSc in Politics, Deputy Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Nakhimovskij Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: efdv2015@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-472X

CITATION: Efremenko D.V. (2021) Identity and Secession: The Case of the Secession of Slovenia and Croatia from Yugoslavia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 74–97 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-4

Received: 10.10.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences as part of the work on the RSF project no 19-011-00662 “Formation of national-state identity and choice of geopolitical orientation in the countries that emerged after the collapse of Yugoslavia: a comparative study”.

ABSTRACT. *The secessions of Slovenia and Croatia – two interrelated and interdependent processes – put an end to the existence of the socialist federal Yugoslavia. The article examines the mutual influence of the identity transformations of the Slovenes and Croats in the second half of the 1980s – early 1990s and the disintegration of the SFRY. Historical and cultural background, the influence of socio-political conditions and the purposeful efforts of key actors to transform identities are analyzed.*

It is shown that the main vector of changes in the identity of Slovenes and Croats in the second half of the 1980s – early 1990s favored secessions, but they were not predetermined. The influence of external factors was very strong, including, firstly, changes in the political landscape of Serbia and their echoes in the

structures of power at the federal level, and, secondly, the approaching collapse of the political regime in the USSR and other countries of Eastern Europe, and also the end of the Cold War.

The actions of political leaders were of particular importance for the transformations in the sphere of identity. Thanks to their efforts, the secessionist strategies strongly affected the identities of Slovenes and Croats. But in Croatia, with the coming to power of F. Tudjman and the Croatian Democratic Union, practically the entire system of government bodies began to function in the regime of a “nationalizing state” (R. Brubaker).

KEYWORDS: *identity, ethno-nationalism, secession, political agency, disintegration of the SFRY, Slovenia, Croatia, Serbia*

References

- Abernethy D.B. (2000) *The Dynamics of Global Dominance. European Overseas Empires*, New Haven: Yale University Press.
- Acemoglu D. et al. (2002) Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 117, pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025
- Bagdasarov A.R. (2004) History of the Development of Croatian-Serbian Ethno-Linguistic Relations (1940–1990es XX century). *Slavyanski Vestnik*, Issue 2, Moscow: MAX Press, pp. 30–49 (in Russian).
- Bebler A. (2017) *Izzivi vojne in miru*, Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.
- Bellamy A. (2013) *The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-Old Dream?* Manchester: Manchester University Press.
- Bertsch G.K. (1977) Ethnicity and Politics in Socialist Yugoslavia. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 433, no 1, pp. 88–99. DOI: 10.1177/000271627743300109
- Bhabha H.K. (1994) *The Location of Culture*, Oxford: Oxford University Press.
- Bourdieu P. (1990) *In Other Words. Essays towards a Reflexive Sociology*, Stanford: Stanford University Press.
- Brown C.L. (ed.) (1996) *Imperial Legacy. The Ottoman Inprint on the Balkans and the Middle East*, New York: Columbia University Press.
- Brubaker R. (1998) Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism. *The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism* (ed. Hall J.), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 272–306.
- Collier R.B., Collier D. (1991) *Shaping the Political Arena. Critical Junctures, the Labor Movement and Regime Dynamics in Latin America*, Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Dimitrova-Grajzl V. (2007) The Great Divide Revisited: Ottoman and Habsburg Legacies on Transition. *KYKLOS*, vol. 60, no 4, pp. 539–558. DOI: 10.1111/j.1467-6435.2007.00384.x
- Efremenko D.V., Meleshkina E.Yu. (2020) Yugoslavian Metanarrative and Modern Yugonostalgia in the Western Balkans. *Politex*, vol. 16, no 1, pp. 78–100 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu23.2020.105
- Gross M. (2000) *Izvorno pravaštvo – ideologija, agitacija, pokret*, Zagreb: Golden marketing.
- Guskova E. (2001) *History of the Yugoslav Crisis (1990–2000)*, Moscow: Russkoe pravo / Rossijskij nauchnyj fond (in Russian).
- Hobsbawm E.J. (1997) The End of Empires. *After Empire: Multiethnic Societies and Nationbuilding. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires* (eds. Barkey K., von Hagen M.), Boulder (Col.), Oxford: Westview press, pp. 12–18.
- Hobsbawm E.J. (1998) *Nations and Nationalism after 1780*, Saint-Petersburg: Al'eteya (in Russian).
- Mann M. (2016) *The Dark Side of Democracy. Explanation of Ethnic Cleansing*, Moscow: Izdatel'stvo «Pyatyy Rim» (in Russian).
- Mihailović K., Krestić V. (2017) “SANU Memorandum” After Thirty Years, Belgrade: NID kompanija “Novosti” (in Serbian).
- Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije* (1981). Knjiga I, Beograd: IŠP “Savremena administracija”.
- Nikiforov K.V. (2011) Geopolitical Aspect of the Yugoslav Crisis. *Yugoslavia in the XX Century. Essays on Political History*, Moscow: Indrik, pp. 865–870 (in Russian).
- Perovšek J. (2004) Srbi vladajo, Hrvati razpravljajo, Slovenci plačujejo: Mit in resničnost prve Jugoslavije. *Časopis za zgodovino in narodopisje*, vol. 75, no 2–3, pp. 405–427.
- Pivovarenko A.A. (2013) Formation of Mass Media in Independent Croatia. *Slavic*

Almanac: 2013, Moscow: Indrik, pp. 251–255 (in Russian).

Pivovarenko A.A. (2014) Prerequisites for Croatia's Exit from the SFRY. Republican Aspect. *Bulletin of Slavic Cultures*, no 3, pp. 50–68. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21970560_91603372.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Ramet P. (1985) Apocalypse Culture and Social Change in Yugoslavia. *Yugoslavia in the 1980s* (ed. Ramet P.), Boulder (Col.): Westview Press, pp. 3–26.

Repe B. (2008) Regional Differences, Slovene National Identity, and the Foundation of the Slovenian State. *Slovene Studies*, vol. 30, no 2, pp. 255–263. Available at:

<https://journals.lib.washington.edu/index.php/ssj/article/viewFile/14774/12383>, accessed 10.12.2020.

Romanenko S.A. (2000) *Yugoslavia: Crisis, Decay, War. Formation of Independent States*, Moscow: Moskovskij obschestvennyj nauchnyj fond (in Russian).

Starikova N.N. (2015) Slovenian Writers and the “Velvet Revolution”. *Slavic Almanac: 2015*, Issue 1–2, Moscow: Indrik, pp. 215–224 (in Russian).

Ugrešić D. (1994) The Culture of Lies. *Index on Censorship*, vol. 23, no 1–2, pp. 23–43.

Velikonja M. (2009) Lost in Transition. *East European Politics and Societies*, vol. 23, no 4, pp. 535–551.